

Маленькая неприятность лишь слегка расстроила императора. В любом случае, он не собирался акцентировать внимание на себе в памятный для супруга день. Они сытно, вкусно пообедали, после чего отправились на прогулку по холмам и полям. Свежий воздух, тишина природы умиротворили души молодых людей, а неспешные движения поспособствовали пищеварению.

Приближались сумерки, и императорская чета вышла в город, отправившись напрямиком на одну из торговых улиц. Лун Сяюань хотел купить запоминающийся подарок, поэтому заходил в каждую, попавшуюся на глаза ювелирную лавку. В одной из них его внимание привлекли парные браслеты. Хорошие, добротные изготовленные из белого нефрита украшения не казались вычурными и броскими. По идее, их мог носить и один человек, но в этом случае браслеты уже нельзя будет назвать парными.

Продавец всячески нахваливал товар, сообщив покупателю, что в жаркий день драгоценность распространяла ощущение прохлады и помогала сохранять ясность ума. То есть не только привлекала внимание своей элегантностью, но и обладала полезными эффектами. Отчасти поэтому Лун Сяюань не поспешил, выложив на прилавок несколько тысяч таэлей и забрал украшения. Одно из них вскоре получило место на запястье Ши Цинчжоу, а второе закрепилось на руке Сяюаня.

Генеральский сын несколько раз коснулся драгоценности пальцами, не замечая, как его губы растягиваются в едва заметной, трогательной, в какой-то степени робкой улыбке. Ее вид позволил настроению императора взметнуться к небесам.

Чета еще какое-то время гуляла по улице, подходя к прилавкам и обсуждая представленные на них товары. Там же, чуть дальше, они наткнулись на пельменную и сытно перекусили. Конечно, мастерство повара маленькой лавки не сравнить с навыками работников императорской кухни, но вкус оказался лучше, чем предполагали молодые люди.

После поедания маленьких вонтонов, Лун Сяюань и Ши Цинчжоу отправились на прогулку к знаменитому в столице озеру Юйэр. Почему знаменитому? Потому что вода в нем кристально чиста, а разросшиеся по берегу ивы, покачивая своими длинными гривами, создавали сказочный пейзаж. Даже в летний зной здесь всегда гулял легкий прохладный ветерок, привлекая людей.

Но сегодня на берегу оказалось тихо. Лун Сяюань подошел к самой кромке воды и, присев на корточки, загреб влагу ладонью, попробовав ту на вкус.

— Ну как? — улыбнулся стоящий рядом Цинчжоу.

— Неплохо, — бодро кивнул император. — Хочешь попробовать?

— Нет, — покачал головой молодой человек.

Лун Сяюань ничего не сказал. Поднявшись и стряхнув капли воды с ладони, он взял возлюбленного за руку, и вместе они отправились на неспешную прогулку вдоль берега. Настолько долгую, что вскоре сумерки сменились темной, дарящей прохладу, ночью.

— Не пора ли нам подумать о возвращении?

Приложив палец к собственным губам, прося Цинчжоу помолчать, Сяюань покачал головой. Он поймал озадаченный взгляд императрицы, но не пустился в объяснения, вместо этого устремив взгляд на ровную озерную гладь. Генеральскому сыну не оставалось ничего другого, кроме как сделать то же самое. И вдруг, на кромке темной воды показался свет. Мягкий, приглушенный бумагой алого фонарика, он медленно, но уверенно продвигался по воде. А вскоре к нему присоединились еще сотни таких же огоньков!

Ши Цинчжоу замер, с восторгом наблюдая за маленьким театром безмолвных актеров, на искусно изготовленных кувшинках. Идущие с противоположного берега, они аккуратно продвигались в сторону императорской четы. Почти двадцать рядов заполнили озеро, оставляя именинника стоять в немом шоке.

Генеральский сын на своем веку успел повидать некоторые диковинки, но такое великолепие предстало перед ним впервые. Он резко обернулся к Сяюаню, что расправив плечи, с легкой улыбкой смотрел на парад огоньков. Их золотое свечение переливом упало на его лицо, придавая тому приятный оттенок. Мелкие волны также поймали блики алых фонариков, создавая иллюзию бесчисленного умножения сей красоты.

— Красиво? — положив ладонь на плечо любовника, ласково прошептал мужчина. — С днем рождения, моя дорогая императрица.

Взгляд Ши Цинчжоу размыло, а в груди стало тесно от восторга и нежности:

— Ваше Величество все так чудесно спланировал...

— Правда? — самодовольно вздернув подбородок, шире улыбнулся Сяюань. В этот момент в его взгляде читалась неподдельная, направленная лишь на одного человека нежность. В нем читалась любовь.

Глаза Цинчжоу мерцали, а становящаяся все шире, выражающая лишь счастье, улыбка едва не свела императора с ума. Он не сдержался и, притянув к себе супруга, запечатлел на его губах нежный, ласковый поцелуй. Он еще долго удерживал императрицу в своих объятиях, даря той множество поцелуев. Но когда фонарики достигли их берега, поспешил выпустить Цинчжоу из своих рук.

— Цинчжоу, возьми любой из них и посмотри. Внутри каждого фонарика кое-что написано.

Генеральский сын подозрительно взглянул на супруга, прежде чем подойти к берегу и подхватить первую попавшуюся кувшинку. На бумаге фонарика в самом деле красовались вычерченные рукой императора иероглифы.

«Хочу сказать моему возлюбленному: с днем рождения!».

Ошеломленный воин тут же подхватил следующий: «Пусть каждый день моего возлюбленного станет самым счастливым!».

Следующий: «Желаю своему возлюбленному счастья!».

И еще один: «Пусть мой возлюбленный никогда не меняется».

Цинчжоу поднимал еще и еще, пока не просмотрел с дюжину или около того. На каждом из фонариков Сяюань написал приятное пожелание супругу, и каждое из них содержало слово «возлюбленный». Взгляд Цинчжоу становился все добрее и рассеянее, а для Лун Сяюаня не было картины прекраснее, чем восторг и счастье единственного любимого человека.

<http://bllate.org/book/14215/1253494>